

Екатерина Дьячкова

(Москва)

**«БЫЛА ДУША МОЯ СВЕТЛА...»
(СЕРГЕЙ КЛЫЧКОВ И НИКОЛАЙ РУБЦОВ)**

«Мне кажется, что настоящая поэзия не в словах, — утверждал в 1906 году Иннокентий Анненский в письме к А.В. Бородиной, — слова разве дополняют, объясняют ее: они, как горный гид, ничего не прибавляют к красоте заката или глетчера, но без них вы не можете любоваться ни тем, ни другим. По-моему, поэзия эта — только непередаваемый золотой сон нашей души, которая вошла в сочетание с красотой в природе...»¹.

Что это за сон, «нередаваемый золотой сон» души, на котором настаивает поэт? Если предположить, что сон этот не что иное, как высота духа, и обратиться к истории искусств — можно с очевидностью убедиться в следующем. Не просто чуткие, а именно возвышенные, живые душою мастера, создавая произведение, способны войти в то тайное соприкосновение с природой, что дает им возможность наиболее полно, высоко и объемно запечатлеть ту или иную грань мира.

Мысль эта интересна и тем, что Анненский все же предпринял попытку выразить смысл поэзии, хотя незадолго до этого писал о ней как об одной из тех ускользающих реальностей, «которые, по-видимому, лучше вовсе не определять» (статья «Что такое поэзия?», 1903)².

Слова Анненского нашли отражение в творчестве не одного писателя. В нашем случае их подтверждает и поэзия «чертухинского балакиря»; и поэтические образы вологжанина, взошедшие вопреки всему на скудной почве сиротского детства.

Оба поэта в лучших своих стихах словно впитывают живительную силу природы родного края и с ее помощью поднимаются от частного до общечеловеческого. Вот герой Клычкова, переживая личную трагедию (любимая ушла с другим), бредет «по свету наудачу». Ему тяжело, но его обступает природа:

«повечеровый дым», «вешний ветерок». И он уже не знает, поет или плачет, но чувствует, что «в светлом сиротстве не одинок»:

У матери — у придорожной ивы,
Прильнув к сухим ногам корней,
Я задремлю, уж тем одним счастливый,
Что в мире не было души верней.

Иными станут шорохи и звуки,
И спутаются с листьями слова,
И склонит облако сквозные рукава,
И словно не было и нет разлуки.

*(«Надела платье белое
из шелка...», 1922)³*

Природа исцеляет человека, принимая его как сына. Земля и небо, лаская, как бы обещают — они примут его всегда, с какой бы разлукой их сын не столкнулся.

В конечном счете, здесь в финале «разлука» уже перерастает из просто разлуки с девушкой в разлуку всех людей в высшем и вечном смысле.

Коле Рубцову было около двух лет, когда расстреляли Сергея Клычкова. Он был еще младенцем, только вошел в этот мир, с которым, предчувствуя, уже прощался другой поэт. Но, возмужав, Рубцов написал о родине и разлуке, будто вторя Клычкову и развивая его:

Здесь каждый славен — мертвый и живой,
И оттого, в любви своей не каюсь,
Душа, как лист, звенит, перекликаясь
Со всей звенящей солнечной листвой,
Перекликаясь с теми, кто прошел,
Перекликаясь с теми, кто проходит...
Здесь русский дух в веках произошел,
И ничего на ней не происходит.
Но этот дух пройдет через века!
И пусть травой покроется дорога,
И пусть над ней печальные немного,
Плывут, плывут, как мысли, облака...

*(«Старая дорога».
<1966>)⁴*

Никогда не изменял Клычков родной деревне Дубровки. Он вдохновлялся ее окрестностями, гуляя в лесу за рекой Дубной:

Лес шумит и шумит, опадая,
Целый день я в раздумьи блуждаю
У деревни в лесу за рекой —
Аль прошла моя жизнь молодая
И на сердце — печаль и покой?!

*(«Лес шумит и шумит, опадая...»,
<1914>)*

Поэт воспевал и крестьянский труд, и ту раннюю пору, в которую этот труд начинался:

Гляжу в окно за дымчатые прясла
И глаз от полусонья не протру;
Река дымит, и розовое масло
Поверх воды лоснится поутру.

*(«Опять, опять
родная деревенька...»,
<1922>)*

А Рубцов, вспоминая в «Родной деревне» (<1964>) Никольское, признавался: «Люблю я деревню Николу, / Где кончил начальную школу!» Его метафору в отличие от «светлого сиротства» Клычкова своей горечью питало уже не образное, а настоящее пронзительное сиротство. Поэта как мать к себе призывала земля, и его неодолимо тянуло к ней:

Грязь кругом, а тянет на болото,
Дождь кругом, а тянет на реку,
И грустит избушка между лодок
На своем ненастном берегу...

*(«Слез не лей...».
<1969>)*

Только родной земле, уткнувшись в ее холмы как в колени, он может все рассказать, и она ответит ему:

Взбегу на холм

и упаду

в траву.

И древностью повеет вдруг из дола!..

(«Видения на холме».

1960 — 1964)

Как загадочны поэтические сближения. Образ ивы, столь частый у Рубцова, всякий раз, словно новый побег запечатленных Клычковым ив, и особенно той, придорожной ивы-матери с сухими ногами корней и верной душой:

Дремлет на стене моей

Ивы кружевная тень,

Завтра у меня под ней

Будет хлопотливый день!

(«В горнице». 1963)

Ива Рубцова — неотъемлемая часть его северной родины:

Тихая моя родина!

Ивы, река, соловьи...

Мать моя здесь похоронена

В детские годы мои...»

(«Тихая моя родина».

<1964>)

Именно ива — то дерево, что способно отвечать настроению поэтов.

КЛЫЧКОВ:

Люблю тебя я, сумрак предосенний,

Закатных вечеров торжественный разлив...

Играет ветерок, и тих, и сиротлив,

Листоюю прибрежных ив,

И облака гуськом бегут, как в сновиденьи...

(«Люблю тебя я,

сумрак предосенний...»,

<1922>)

а у Рубцова сначала жалость.

КЛЫЧКОВ

В тиши
Сияющей
Зари
С тоскою,
Друг, такую,
Как знающий,
Не говори
И не маши
Рукою!

РУБЦОВ

Когда заря
Смеркается и брезжит,
Как будто тонет
В омутной ночи,
И в гробовом
Затишье побережий
Скользят ее
Последние лучи,
Мне жаль ее.

Герой Клычкова еще пытается что-то изменить, но уже понимает всю обманчивость мечты:

Я, может,
Тоже
Знаю сам,
Что там
Вдали
На корабли
Туманы так похожи!

Действительно, «откуда взяться парусам», когда «в реке вода мелка... Недалеко — запруда...». Тьма сгустилась по-настоящему, и, кажется, выхода нет.

КЛЫЧКОВ

Так
Близок,
Низок
Мрак —
Беда!..
(«В тиши...», <1937>)

РУБЦОВ

Весь ужас ночи
Прямо за окошком
Как будто встанет
Вдруг из-под земли!
(«Наступление ночи».
<1969>)

Но выход все-таки есть, и он в стихотворении Н. Рубцова «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...» (1963). С ним «В тиши...» С. Клычкова также связано, но уже не столько чувством тоски и тре-

воги, сколько глубинными темами — родины и вольности. Образы родной земли и воли естественно сплетены, но у Клычкова пронизаны серой тоской несвободы тридцать седьмого года, а у Рубцова — тревогой за будущее и щемящей грустью по прошлому.

Всадник Рубцова проскачет по «холмам задремавшей отчизны», «по следам миновавших времен», и от его взгляда не скроется, что там, где когда-то звучали смех, звуки гармошки и пенье, шумели «весенние воды, и бревна неслись по реке», теперь грустно поникли ивы, померкли звезды и лодка уже «на речной догнивает мели»:

И храм старины, удивительный, белоколонный,
Пропал, как виденье, меж этих померкших полей...
(«Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...»)

Уничтожено много церквей, но сила, хранящая Русь, еще не иссякла. Она пока бережет и «ночное дыханье / И тайные сны неподвижных больших деревьев». Но герой не на шутку встревожен, он страстно просит былое и светлое не покидать его родину:

Боюсь, что над нами не будет таинственной силы,
Что выплыв на лодке, повсюду достану шестом,
Что все понимая, без грусти дойду до могилы...
Отчизна и воля — останься, мое божество!

Останьтесь, останьтесь, небесные синие своды!
Останься, как сказка, веселье воскресных ночей!
Пусть солнце на пашнях венчает обильные всходы
Старинной короной своих восходящих лучей!..
(«Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...»)

В отличие от «В тиши...», несущего в себе неизбежность («но видишь: я бегу, / И падаю на берегу, / И не могу, / и плачу...»), в стихотворении Рубцова остается надежда. Она в руках того таинственного всадника, неведомого отрока, что «скрылся в тумане

полей...». В его упрямом: «Я буду скакать...» — спасение нашей России.

У Сергея Клычкова есть стихотворение «Была душа моя светла» (<1927>). Оно полно откровений, ясного понимания того, что любой человек, в том числе и он сам, грешен. Но все-таки каждый, считает поэт, должен, в конце концов, прийти к смирению:

Тяжка людская коловерть!
И все ж, смирясь душою сирой,
В ней надо встретить даже смерть
Как нежное лобзанье миру!
(«Была душа моя
светла»)

Николай Рубцов написал о душе так:

До конца,
До тихого креста
Пусть душа
Останется чиста!
(«До конца». <1969>)

Но в этом без сомнений искреннем тексте все слишком прямо, поэту не удалось избежать и некоторого пафоса: «Я клянусь: / Душа моя чиста».

О чистоте души Рубцова и его героя намного ярче и действеннее скорее говорят другие строфы: «Как много желтых снимков на Руси / В такой простой и бережной оправе! / И вдруг открылся мне / И порази / Сиротский смысл семейных фотографий...» («Русский огонек», 1964).

Духовное просветление и любовь безоговорочно торжествуют и в финале этого, ставшего уже знаменитым, стихотворения:

С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.
(«Тихая моя родина».
<1964>)

Здесь за внешней простотой скрывается не только лирическое начало, но и та трудноуловимая подлинность поэзии, о которой Вадим Кожин говорил, что «она залегает в самой глубине и воплощает в себе не изощренность поэтического зрения, но внутреннюю сложность самого бытия (точнее, с^б-бытия) человека и мира»⁵.

Свое отношение к родине Сергей Клычков выразил ясно и просто:

До слез любя страну родную
С ее простором зеленой,
Я прожил жизнь свою, колдуя
И плача песнею над ней...

(«До слез любя страну
родную...», <1930>)

Любовь Клычкова к родине чувствуется в самых разных его стихах. Она не только там, где он воспевает природу:

Лежит заря, как опоясок,
И эту реку, лес и тишь
С их расточительностью красок
Ни с чем на свете не сравнишь!

(«Лежит заря, как
опоясок...», <1928 —
1929>)

Неподдельное чувство любви и гордости звучит и в веселом стихотворении о тяжелом труде его земляков-башмачников:

У нас в округе все подряд,
Зубами расправляя кожу,
Цветные туфли мастерят
Для легких и лукавых ножек...

(«У нас в округе все
подряд...», <1927>)

Вспомним попытку Анненского выразить суть поэзии: «поэзия эта — только непередаваемый золотой

сон нашей души, которая вошла в сочетание с красотой в природе...». Вернемся и к мысли о том, что сон этот есть то высшее, духовное, что поднимает поэта над обыденностью и позволяет ему увидеть истинную божественную красоту, разлитую в природе:

Пылает за окном звезда,
Мигает огоньком лампада.

*(«Пылает за окном
звезда...», <1922>)*

Клычков находит глагол «пылает», подчеркивая горнюю природу звездного света и противопоставляя его тусклой лампаде.

Николай Рубцов подхватывает «звездный» мотив Клычкова. Звезда, которую Сергей Клычков с любовью наблюдает, у Рубцова разгорается еще ярче, уже спасая и защищая не только мир поэта, но и весь мир:

Звезда полей горит, не угасая,
Для всех тревожных жителей земли,
Своим лучом приветливым касаясь
Всех городов, поднявшихся вдали.

(«Звезда полей». 1964)

Даже первое приближение к творчеству обоих поэтов показывает, что поэзия Сергея Клычкова и Николая Рубцова и есть тот невыразимый душевный сон золотой, о котором сказал Иннокентий Анненский, а Рубцов, будто услышав его слова, записал:

«Чудный месяц плывет над рекою», —
Где-то голос поет молодой.
И над родиной, полной покоя,
Опускается сон золотой!

*(«Чудный месяц
плывет над рекою...»,
б/д.)*

Только сливаясь с красотой нерукотворного мира, словно бы растворяясь в ней, поэт способен сказать о любви так, как это сделали Клычков и Рубцов.

КЛЫЧКОВ:

У моего окна такая высь и ширь,
Такая тишина, отрада и обилье:
Под ношей гнется сад, за ним, как плат, —
чигирь,
А по бокам дубки стоят, сложивши крылья.
(«У моего окна такая
высь и ширь...», <1920,
1923>)

РУБЦОВ:

Не кричи так жалобно, кукушка,
Над водой, над стужею дорог!
Мать России целой — деревушка,
Может быть, вот этот уголок...
(«Острова свои
обогреваем». 1966)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Анненский И.Ф. Книги отражений. М.: Наука, 1979. С. 466.

² Там же. С. 201.

³ Здесь и далее тексты С.А. Клычкова цит. по: Клычков С.А. Собр. соч.: В 2 т. Т. I / Сост., подгот. текста, коммент. М. Никё, Н.М. Солнцевой, С.И. Субботина. М.: Эллис Лак, 2000; без указания страниц.

⁴ Здесь и далее тексты Н.М. Рубцова цит. по: Рубцов Н.М. В горнице моей светло... Стихотворения: Вадим Кожин. Слово о поэте / Николай Рубцов. М.: Прогресс-Плеяда, 2007; без указания страниц.

⁵ Кожин В.В. Николай Рубцов: Заметки о жизни и творчестве поэта // Там же. С. 339.